

Николай Задорнов

САГА О РУССКИХ
АРГОНАВТАХ

ХЭДА
ГОНКОНГ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
З 15

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

Задорнов Н.

З 15 Сага о русских аргонавтах. Хэда. Гонконг : романы / Николай Задорнов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 800 с. : ил. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-32489-3

Николай Павлович Задорнов (1909–1992) — известный писатель, автор исторических романов, повествующих об освоении Сибири и Дальнего Востока русскими первопроходцами (трилогия о капитане Невельском, романы «Амур-батюшка» и «Золотая лихорадка»). К позднему этапу творчества Н. П. Задорнова принадлежит масштабный цикл, получивший название «Сага о русских аргонавтах», увлекательный рассказ о важной экспедиции русского адмирала Е. В. Путятина к берегам Японии. В настоящее издание вошли романы «Хэда» и «Гонконг», из которых читатель узнает о жизни участников экспедиции в Японии, где им пришлось строить новое судно для обратного плавания (их корабль был разбит мощным цунами). Однако по пути в Россию моряки были перехвачены англичанами и оказались в качестве военнопленных в Гонконге, крупнейшем торговом порту, в центре столкновения интересов самых мощных мировых держав.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Н. П. Задорнов (наследники), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-32489-3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Глава 1

БОЛЬШОМУ ДЕРЕВУ НА ВЕТРУ ТРУДНО

Прекрасный праздник Весны — пробуждения жизни и солнца, — Новый год минул, а весенняя погода стояла мокрая, со снегом и злым ветром, больно бьющим полуголых людей в лохмотьях, словно начиналась северная осень. Стало гораздо холоднее, чем короткой предновогодней зимой. Но солнце, за мглой и тучами, что-то обещало, хотя его подолгу не было видно, и многие старики и больные умирали, так и не взглянув на него в последний раз. День прибывал понемногу, словно тьма отступала нехотя.

Вот в такую погоду, когда большая часть лиственного леса еще гола, Эгава Тародзаймон ехал верхом через горы, снова направляясь от места своего жительства и службы в прибрежную деревню Хэда, где иностранцы и японцы строили европейский корабль. По делу, которое остается для Эгава важнее всего и за которое с него еще спросится. Эгава хорошего для себя ничего не ждал!

Сквозь наготу леса с утра чуть проблеснуло солнце, и казалось, очистится небо, лучи выжгут и сгонят с его синевы всю мглу, до единой пряди, на стволах засияет множество красок, первым весенним теплом и тайной силой задышит природа, оденутся листвою еще недавно голые лесные великаны, и жалкими покажутся черствые и жесткие вечнозеленые деревья и кустарники.

Но через час стало совсем сумрачно, с моря нашла серость, ветер временами налетал со свистом. От голи и черноты лесов глаз охотно отстранялся, искал придорожную глянцевитую листву и редкие пышные цветы горной сливы.

На подъеме дорога подмерзла. Конь под Эгава мягко ступал по ее черной льдистой грязи в своих соломенных башмаках.

Всадник закутан в ватный дорожный халат. На голове шапка из осоки — символ власти дайкана — начальника округа.

Эгава Тародзаймон только лишь дайкан. Его округа на горном полуострове Идзу, недалеко от столицы Эдо. Но дайкан Эгава известен правительству. Высшие чиновники, князья и даже члены горочью — высшего государственного совета, состоящего из пяти важнейших вельмож во главе с самим гениальным канцлером Абэ — знают его имя, верят в его талант и, не давая ему повышения и не выказывая ему излишнего внимания, возлагают на него, как всегда, самые большие надежды, конечно, и большую ответственность. Сейчас все ждут, что исполнит Эгава.

По обстоятельствам времени ответственность Эгава перед высшим правительством возросла. Обязанностей стало больше, и они требуют все большего труда, таланта, а также знаний, каких, как полагает сам Эгава, у него нет, а этому виной не он.

Эгава вырос в семье потомственного дайкана. Он с детства проявлял разнообразные таланты и, став сам дайканом, вскоре обратил на себя внимание общества и как художник, и как ученый-изобретатель, и как инженер-самоучка. Еще задолго до появления американской эскадры Перри в заливе Эдо он сконструировал и построил у себя в селении Нирояма, в горах, две гигантские печи, плавил в них чугун и отливал из него пушки.

Он почтительно и осторожно, но настойчиво и твердо объяснял высшим лицам империи, что изоляция губит страну, что Япония должна сблизиться с другими государствами и народами, заимствовать у них все полезное, признать свою отсталость, создать свою промышленность, развивать науки, готовиться к созданию собственного современного флота, а главное — неустанно учиться. При этом Эгава был так благонадежен и так доказал это своим честным трудом и ему так доверяли, что никто в правительстве не обвинил его в готовности к измене или в коварных замыслах.

...В пути невольно вспомнишь все, но только сильней разбередишь себя. В душе всегда бесстрашного Эгава вспышками являются тревоги и сомнения, похожие на страхи. Молнии в мозгу мгновениями озаряют неизбежные опасности грядущего. Старый

князь Мито — глава всех консерваторов, родственник شوгуна¹ и родственник дайри² — давно заинтересовался гениальным Эгава и теперь называет его своим другом.

Но князь Мито и правительство в свое время не слушали его, держались традиционных страхов и запретов, а не его честных советов ученого.

Когда же под угрозами пушек, наведенных с иностранных кораблей, пришлось открывать Японию и заключать договоры, все спохватились. Японии нужен флот для дальнего плавания! Срочно выпущен указ об отмене запрета на постройку кораблей дальнего плавания! Но указ — это еще не флот. На одном указе не поплывешь, как на корабле. Князь Мито сразу заявил, что надо самим научиться строить современные суда. Но кто же построит? Кто выручит страну? «Эгава!» Эгава все умеет, он все знает, он — гений и все сможет. Да, Эгава об этом говорил давно, но мы его мнения тогда еще не могли принять. Эгава и теперь готов спасти страну! Так сказал князь Мито. Так решили в столице. Эгава было поручено построить первый европейский корабль дальнего плавания. Конечно, Эгава готовился к этому и просил позволения выписывать книги и учиться. Когда приходили американцы, он как мог изучал их пароходы, посылал людей крадучись снимать чертежи, осматривал сам беглым взглядом все, что мог. И чем ближе знакомился Эгава с устройством западного судна, тем яснее становилось, что у него недостает знаний для постройки такого же своими силами. Упущено время. В пору запрета, получая лишь отказы правительства, он почти бесплодно тратил силы ума в догадках и попытках открыть то, что давно открыто в Европе. Минула молодость! Великие покровители и друзья в Эдо, которые так его хвалят теперь, так им восторгаются, лишь связывали ему руки, превознося его гениальность. Они не позволили выучиться ему и другим, жаждавшим знаний, ничего не сделали до тех пор, пока не увидели огромные жерла морских пушек, готовых послать огонь и железо на дворцы и замки Эдо.

---

¹ *Шогун* — как считали европейцы, светский властелин, командующий войсками, наследственный владыка Японии.

² *Дайри* (микадо, тенио) — так называли японцы императора.

Эгава не робкого десятка. Он готов отвечать за любое упущение. Он старается исполнять приказ и делает все, что может. Он сидел дни и ночи напролет, составляя чертежи, после того как в селении Урага он построил первый европейский корабль «Хоо-мару».

Судно получилось неудачное. Сразу же стали строить второе судно — «Асахи-сё» («Восходящее солнце»).

Близ столицы Эдо, на берегу залива Эдо.

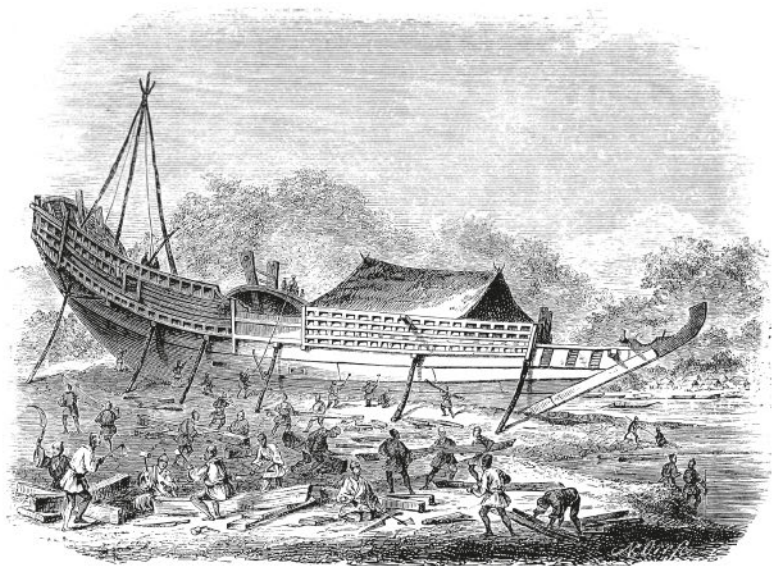
В это время произошло несчастье, которое, по мнению многих, оборачивалось большой удачей. Чудовищное землетрясение и гигантская волна цунами погубили тысячи людей во многих городах и деревнях. На море Идзу, неподалеку от деревни Хэда, в бурю погиб корабль русского посла Путятина.

Правительство Японии разрешило послу России построить новый корабль для возвращения на родину. Путятин и шестьсот его моряков перешли пешком в деревню Хэда, где им даны были материалы и предоставлены рабочие.

Адмирал и посол Путятин оказался опытным судостроителем, а его очень молодые офицеры, почти мальчишки, оказались математиками и мастерами проектировки и западного судостроения. Как это все просто там, где не боятся науки!

Русские открыли японцам все секреты строительства судов, показывали свои чертежи, не скрывали ничего, их матросы учили японских плотников, что и как делается удобнее и лучше при постройке судна и его частей. Все начато не так, как у Эгава в Урага. Если бы можно было бросить почти готовый корабль, сжечь его и с самого начала, учась у русских, воспользоваться их опытом и знаниями для строительства правительственного корабля! Но Эгава исполнял приказ и спешил, спешил, и дело ушло далеко вперед, оно почти закончено. Теперь уже ничего не воротить и не остановишь, надо смертно запахивать халат и доводить все до конца. А русские свою работу только начали. Впрочем, есть надежда, что когда будет спущен на воду корабль Эгава, то, может быть, поплывет и он. Неужели зря старался Эгава и все собранные им опытные судостроители приморского округа Идзу?

В Эдо шум и суматоха. Все обижены! Друг на друга, на иностранцев, одни проклинают прошлое, другие его возвеличивают,

*Строящееся судно в японской верфи.
Гравюра из отчета об экспедиции Мэтью Перри, 1856*

а сами потихоньку соображают, как лучше сблизиться с иностранцами. Даже консерваторы мечтают поехать когда-нибудь в Европу. Время суеты и раздора, падение старых устоев, необузданных и неожиданных вспышек ненависти к западным людям, к их идеям и к тем, кто открыто говорит, что хочет учиться у Запада. Время лжи и лицемерия! Ученых раньше не щадили, это признавалось полезным, патриотическим. Все, кто хотел выслужиться — выказать патриотизм и обратить на себя внимание, — поносили все западное, а для ученых, проповедовавших науки, требовали казней.

Американцы задели самую чувствительную струну в нашей жизни, пришли смело, пренебрегая нашими обычаями, не обращая внимания на нашу важность. Они живо отучили японцев от высокомерия, называя нас варварами, наши сложные традиции объявили глупыми и пустыми церемониями и открыто смеялись над нами. При этом они не дарили безделиц под видом символов величайшего значения, а дали паровоз, телеграф и виски.

Они ростом больше нас, и мысли их пока обширнее наших. Они обо всем говорят прямо, смело показывают свои намерения и не сидят без дела. Пригрозили так нашему правительству и князьям, шогуну и живому богу, что у всех дух свело, ничего не остается больше делать, как благодарить американцев, и улыбаться, и заявлять о великой дружбе с Америкой, а между собой приходится спорить, как подольше оттянуть открытие портов для американской торговли, как, хотя бы на время, избежать обязательств, взятых на себя по договорам, чтобы не опозориться перед собственным народом, которому мы так долго внушали, что наша страна самая сильная и неприступная, самая благоустроенная и цивилизованная, а мы умнее всех на свете. Теперь это учение о первородстве, о божественном происхождении, о превосходстве и исключительности начинает разваливаться?!

В свое время Эгава предупреждал, тысячу раз говорил, требовал, объяснял. Разве своих кто-то слушает? Иное дело — когда американцы потребовали, чтобы наш бог подписался под их договором.

Русские чем-то похожи на японцев, а чем-то на американцев, так кажется некоторым. У них матросы всегда голодные и всегда хотят спать — если улучают время, то валяются где попало и засыпают. Это очень удивляет японцев, которые даже детям запрещают что-нибудь подобное, например спать или есть на улице. Конечно, дети не слушают, как и взрослые бедняки.

Сверху, с горы, все внизу видно, как на карте: леса, реки, ущелья... В раннем детстве Эгава изучал географию по старинной японской карте, где изображены все земли мира: страна одноглазых людей, это где-то близко, чуть ли не на современном Сахалине, остров карликов, жаркая страна голых людей с красной кожей, материк людей с собачьими головами...

Да, в детстве так учили! По глупейшей карте! Хотя почти все образованные люди знали уже, что мир не таков, как мы его изображаем в атласах. Отец говорил, что эти карты неправильные. Но в семье Эгава, как и во многих домах феодалов и чиновников, полагали, что надо учить по традиции. И губили детей. Каков мир на самом деле — не научили вовремя, сбили с толку, привили на всю жизнь подозрительность, отбивали охоту учиться, взамен ее с го-

дами у юношей являлась страсть жить в свое удовольствие, наслаждаться, пить.

Домашние и даже сами учителя тайком объясняли иногда детям, что все не так, многое, что написано в старых книгах, — вранье, но никогда не надо подавать вида, что это знаешь, а надо учиться как принято, очень старательно. Сколько же молодых жизней высушено и загублено на таких уроках! Всю жизнь говорят: это не так, но надо знать хорошо, это уже опровергнуто, но изучи наизусть, отвечай без запинки.

«Эта карта — сказка? — спрашивал мальчик у отца. — Но зачем же ее изучать? Довольно, если бы рассказала бабушка...» Отец уводил мальчика с глаз посторонних, брал лозы, мочил их в воде и наказывал, воспитывая волю и сдержанность у будущего дайкана!

Кто хотел запугать всех небылицами? Знает ли об этом гаогун? Тенно? Ведь бог должен все знать. Кощунство или трагедия? Мокрые лозы били больно, но не выбивали мыслей. Мальчик становится скрытным. Хотели запретить думать о других странах, чтобы никому не пришло в голову, что где-то можно жить, кроме Японии. Такие учебники составили наши философы и академики!

Япония — процветающий оазис, населенный цивилизованными и прекрасными гражданами, которые счастливы под совершенным управлением, а весь остальной мир — пустыня, населенная страшилищами, всюду господствуют болезни, уродства, порок, и всюду ложь и преступления! В Японии все совершенно! И при этом учителя ухмылялись, но взыскивали строго.

Эгава, заместив скончавшегося отца, стал дайканом. Он много думал, как же учить народ и не обманывать.

Один старик, содержатель распивочной, сказал однажды: «Нам все равно, лишь бы было sake и саканэ!»¹ Не все ли равно, чему обучают ребятишек! Когда выпьем sake, то счастливы и согласны...»

И вот Эгава постарел. Он сам опасался своих мыслей, он соглашается, что Япония — лучшая страна, что все эбису² враждебны ей.

¹ То есть вино и закуска к вину.

² Эбису — варвар. Так называли всех иностранцев.

Но Эгава желал бы, пока не поздно, обучить и вооружить свою страну науками, заимствованными у эбису. Пока и у нас не вспыхнуло восстание против правительства, как в Китае, и пока под наведенными с кораблей пушками мы не пустили англичан к себе торговать оправой, как китайцы.

Эгава до сих пор ошибается в европейской географии, в его знаниях есть несоответствия и неточности. Ему, например, кажется, что Кавказ по размеру равен полуострову Идзу. Те же горы, скалы, грохочущие потоки. Юнкер князь Урусов — родственник императора России — так сказал ему: «Идзу — это японский Кавказ. Еще красивей! На Кавказе нет Фудзиямы!» Он льстил!

На днях Эгава видел в журнале у Путятина картину. Наместник Кавказа русский генерал едет по горам. Его сопровождает кавалькада конных офицеров. Но самое поразительное, что удивило дайкана, — сотня казачьего конвоя. На сильных конях вокруг наместника гарцуют казаки в мохнатых папахах, с густыми усами и бровями, все с саблями и пиками. Вдали, по дороге, на горе целый лес пик. Это очень отважные воины. Не самураи, но все верхом на конях и всю жизнь сражаются. Россия счастлива тем, что у нее много храбрых врагов. Ее воины обучены с детства обращаться с оружием. Скачут на конях, джигитуют, встречая в честном бою врагов, страшных своей силой и мстительностью.

А у нас даже нет врагов. Япония всех отвергла: весь мир — и врагов, и друзей. В самой Японии всех врагов уничтожают шпионы. Тихо, без всякой храбрости. У нас не все самураи имеют право садиться на коней. Не говоря уже о слугах!

Сейчас сзади Эгава едут конные самураи, за ними трусят рысцой скороходы. Бегут и не отстают, когда дайкан пускает коня вскачь. За ними спешат слуги и носильщики. Но разве это конвой?

Горы Идзу в ведении Эгава, почти весь полуостров в его округе, власть дайкана огромна. Но казачьи кони цокают по камням копытами, подкованными сталью, а их седоки всю жизнь живут под пулями гордых горцев! А мои кони тихо и мягко шлепают соломенными башмаками, как посланные с тайным поручением в хвосте того, за кем следят. Все люди и лошади заняты одним и тем же благородным делом!

На Идзу все японцы покорны и нет войны. Когда погиб русский корабль, князь Мито сначала с вершины своего могущества

потребовал: всех русских, высадившихся на берег, убить! Чужеземцам не разрешать ступать на землю Японии. Отвергнуть требование Путятина о постройке нового корабля! У нас есть Эгава! Он без них отлично строит европейский корабль!

Тогда возвысился благородный голос посла Японии на переговорах с Россией. Кавадзи-чин заявил свое мнение: разрешить герою Путятину построить корабль. Изучать при этом европейское судостроение. Назначить для этого японских плотников и других мастеров.

Кавадзи сомневался, что Эгава может создать западное судно. Очень обидно. Но это правда.

Эгава назначен ответственным за постройку корабля Путятина, в помощь адмиралу и для изучения дела. До сих пор Эгава скрывал от русских, что строит европейское судно в Урага. Так одновременно строятся два корабля и оба под руководством Эгава. Кроме того, князь Сацума стал строить в своих владениях еще один корабль. Всех этих безграмотных князей охватил патриотический порыв.

Русские предъявили странное требование: доставить несколько бочат свиного сала. Не для питания матросов, а для постройки шхуны. Как это понять? Эгава обязан все немедленно исполнять. При этом, как инженер и изобретатель, — учиться. Все, что возможно, постараться перенести вовремя на постройку своего корабля в Урага.

Следом за кавалькадой самураев на мелких, ходких лошаденках и за рысящими скороходами четверо носильщиков мчат на толстой жердине тушу только что убитого кабана. В подарок Путятину и для прокормления его морского войска. Еще одного лесного кита убил юный сын Эгава, будущий дайкан, отцовская надежда и отрада. Отличный, смелый охотник, знающий горы Идзу, пожалуй, лучше, чем отец. Когда есть такой сын, то все остальное не страшно. Семь дайканов Эгава сменяли друг друга за двести с лишним лет с тех пор, как во главе государства встали шогуны рода Токугава. За эти двести лет вымерли немногие роды героев из дружины первых Токугава. В большинстве вельможи и чиновники сохранили родовую силу, они из поколения в поколение воспитывали умных и мужественных молодых людей, готовых

заменить отцов. Потомки этих родов служат на тех же должностях, которые двести лет тому назад были созданы для их предков первыми шогунами.

Князь Мито из рода Токугава не только родственник самого шогуна. Он не только самый влиятельный князь из трех ветвей шогунского рода. Он также родственник тенно, живущего закрыто в Киото. Его мать была сестрой тенно. А тенно нельзя скинуть со счетов. Путятин это хорошо понял. Когда его корабль был цел, он ходил в Осака, при этом официально считается, что Путятин хотел напугать Японию. Путятин очень умный посол, он далеко видит. Путятин строгий, но справедливый, очень опасен в дипломатических спорах, при этом не похож на послов остальных западных стран: на Перри, Адамса и Стирлинга.

Путятин предвидит величайшее потрясение в государственном устройстве Японии. Он вполне сочувствует японцам. Следует помнить: хотя он из чужого и чуждого государства, но показал Японии, что готов оказать почести тенно! Конечно, идя в Осака на судне, адмирал понимал, что не увидит тенно и ничего не сможет ему передать. Что его никогда не пустят в Киото. Но он показал, что известно главное направление — к властителю Японии, к микадо. Японцы сделали вид, что оценили действия Путятина как враждебные и ошибочные, хотя всем было понятно, что он никогда и ничего не делает зря, даже когда всем кажется, что он ошибается. Он без слов сказал, каким должно быть новое управление Японией при перемене жизни всей страны и при устройстве ее на западный образец. Он говорит уже три года на переговорах, что Япония должна переучиться и стать развитой по-западному. И при этом он своими поступками молчаливо намекнул на тенно как на извечное начало начал. Это дружелюбно, благородно и очень опасно и коварно. Поэтому признано враждебным действием.

Князь Мито тем сильнее становится, что он все время тайно сносится с дворцом тенно в Киото. Более могущественного человека трудно вообразить.

Эгава не посмел твердо и категорически заявить князю Мито, что не будет строить второй корабль европейского типа в Урага, не имея для этого достаточных знаний. Он поступил как чиновник, а не как ученый. Когда приказывает высокий покровитель,

то чиновник верит ему более, чем себе, и лжет себе. Вот к чему приводит дружба с тем, кому всю жизнь бываешь благодарен за поддержку.

Князь Мито бывал с Эгава прост и доверчив. Он получил для Эгава позволение изучить американский телеграф и паровоз. И художники нарисовали, как Эгава, словно демон, с раздувающимися на ветру халатами мчится по рельсам верхом на маленьком паровозе.

Но хуже всего, что друг и высокий покровитель и в политике путает новое со старым, как и на постройке корабля. Катастрофа же обрушится со временем на Эгава, как на верного слугу и пособника старого Мито.

Глава 2

СТАРИК В СОЛОМЕННЫХ ВАЛЕНКАХ

На вершине перевала рвал злейший ветер. Под его ударами конь остановился, упираясь, словно его вместе с седоком могло поднять над обрывом. Эгава невольно съежился в седле, не сводя взора с далей.

Открылось низкое море с черными, ходившими под тучей вихрями и прядями ливней. А внизу — тихая бухта Хэда, круглая, как синее блюдо.

Эгава, очень любившему свой дом, свою семью, свои домашние занятия, свое селение в горах и плавильный завод с его запахом будущего промышленного величия отчизны, показалось, что этот ветер не здешний, не горный, а из далеких морских стран, особый хэдский ветер, от которого повеяло неведомым просторным миром и прекрасным будущим детей Эгава.

За морским заливом видны горы, а за ними океан, высокий, как небо, и оттуда идут вихри дождей и непогоды.

Эгава припустил коня по ровному, покатоному спуску, и сразу же затряслась и зарысила кавалькада, понеслись скороходы со всеми корзинками на выючных животных и на согбренных людских спинах. Мимо помчался очень крутой скат, весь в черных елях; как копыта они остриями покрывали тут скаты и кручи гор.

У заставы из-под круглых травяных крыш, как из-под зонтиков, вышли на дорогу вооруженные самураи. Эгава приостановился, слез с коня и поговорил с начальником за чашкой чая.

Ниже лес становился все глуше и черней. На повороте опять открылась бухта Хэда, теперь уже близкая, со множеством домиков и садов вокруг. Горы стеснили бухту и деревню правильным кругом со всех сторон. Только одной горы не хватает, словно она вышиблена прочь или провалилась в океан. От нее осталась выгнутая гряда каменных обломков, составляющая правильное полукольцо. За косой шумит и бьется океан, тщетно стараясь перекинуть волны через ее камни в бухту.

Там, в каменном кольце скал и косы, как бы замкнувших Хэда, есть прорыв, ворота, через них бухта сливается с океаном. Коса из камней сдерживает порывы океана, останавливает его попытки забросить волны в ворота. Маленькая бухта держится очень стойко, и громадные волны откатываются и только кипят, кипят у ворот.

По косе над грядой камней тянется очень длинная редь сосен. На косе — плодородная почва, там летом цветут кусты хамаю с большими и важными белыми цветами, поднятыми на высоких стройных стеблях над глянцевыми широкими листьями. Там стоят в жару целебные для души ароматы сладких хамаю и смолистых сосен и вырастает густая, высокая трава. И все поэтично прикрыто каменными россыпями и соснами от глаз иностранцев, проходящих в океане.

У одной из морщин, пробороздивших природную каменную крепость вокруг Хэда, стоит не видимая западным подзорным трубам платформа, на которой русские возводят свой корабль — причину страха и надежд, а также несчастий и позора Эгава! Они умело укрыли все свои работы — даже отсюда, с гористой дороги, нельзя заметить, что сейчас происходит в узком ущелье.

Каждый раз, когда Эгава бывает здесь, горы и море оказываются иными. Никто и никогда с такой любовью не описывал бухту Хэда и не изображал ее так необыкновенно и романтически, как сам Эгава. Но он чуждался всего неяпонского, заморского, что таится в людях Хэда, в этих потомках неведомых пришельцев, принесенных океанскими валами с чужих островов и из далеких стран и смешавшихся за столетия с японцами. Хотя японцев

и в древности было много, а принесенных морем было мало, но все-таки в этой деревне до сих пор угадывается в лицах жителей что-то особенное, таинственное. И не только люди тут необыкновенные. В Хэда растут деревья, которых нет нигде больше; наверное, теплое течение, идущее с юга, приносило семена с далеких тропических островов.

Поймет ли кто-нибудь все это, разберется ли, постигнет ли Эгава-художника, угадает ли мечты поэта в его пейзажах Идзу, в которых он куда смелее, чем Эгава-чиновник в делах. Нет, никто этого не увидит и не угадает. Может быть, пройдет много лет и в семье Эгава родится мальчик, который вдруг все поймет и уловит, и вдохновится этой же мечтой, хотя он увидит уже другие пейзажи и другой мир. В надежде, что так случится, Эгава будет работать и работать, чтобы дать волю чувству, которое тем сильнее рвется к жизни, чем строже запрещается его проявление.

Конь, ожидая окрика седока, настороженно рысил вниз. Недавно пришлось услышать от иностранцев, что живопись Эгава, как и у всех японцев, искусна, но искусственна, что их пейзажи нарочито романтические, что в Европе художники давно отказались от изображения высоких чувств на фоне придуманных скал, грозных туч, дремучих лесов и низвергающихся потоков, что все это лишь традиционные банальности, а суть жизни не в этом, а в нравственном просвещении, к которому надо стремиться, что живопись и литературу Запада занимают страдания бедняков в трущобах, художники изображают отношения людей во всей глубине их чувств. Так очень назидательно и самоуверенно поучал дайкана один из спутников посла Путятина — молодой юнкер Урусов, про которого в деревне Хэда узнали, что он родня русскому императору.

Да, все, что я вижу, проезжая в ветреный день по своей округе, по лесу и над морем, — все это лишь банальная романтика. Но как же быть, если я как дайкан, по должности своей, заведу банальной округой, в которой горы в лесах, всюду скалы висят над головой, под ногами коня открываются пропасти, а издали веют ветры всего мира?

...Впереди завиделась спина плетущегося путника. Старик в соломенных валенках, со связкой дудок сухой белой травы за

спиной. Услыхав стук копыт и беглые шаги скороходов, он оглянулся, на миг замер и, увидя дайкана, встал как вкопанный. Потом покорно, умело и почтительно опустил голыми коленями на мерзлую землю, сняв шляпу. На плечах его соломенная рогожка поверх короткого халатика, на бедрах плотная повязка. Голые колени страшны от худобы и холода.

Эгава увидел озябшее испуганное лицо со старческими, выцветшими до пустоты глазами. Дайкан знал всех в своей округе. Этот старик — отец плотника, сам бывший плотник, работавший по найму всю жизнь, а теперь уже больной и слабый, но все же ходит в лес, собирает, где позволено, сухую траву на топливо. Его сын трудится с русскими в ущелье Быка, обучается западному судостроению, один из лучших плотников в деревне Хэда. Рабочие не смеют брать щепье и стружки для своих печей. Старик всю жизнь был хорошим плотником, но год и один месяц тому назад в правый глаз его попала щепочка, и старик стал хуже видеть. Летом он не смог больше работать. Семья стала беднеть. Не желая быть сыну в тягость, старик чем может помогает; летом на огороде и на маленьком рисовом поле, где не надо такой острой зоркости, как на постройке судов. Вот теперь, зимой, собирает ветки и сухие дудки. Беднякам все пригодится. А сын его, Таракити, тем временем работает у Путятина и учится. Вот нищий старик в соломенных валенках, а сынок его ведь перегонит самого Эгава!

Дайкан невольно оглянулся. Старый плотник, зашагавший было, поймав одним взглядом взгляд дайкана, вмиг потерял всю свою бодрость и сжался от страха, путаясь в своих же ногах.

Мало лестного! Что толку от народа, которому внушен вечный страх!

Перед отъездом Эгава получил тайный приказ наказывать в деревне Хэда тех, кто сближается с иностранцами. Взять всюду строгие меры, чтобы сохранить единство и сплоченность духа.

Кто близок с иностранцами в Хэда? С ними дружен пожилой плотник Кикүти, у него семья большая. Близок сын этого старика — Таракити. Также Хэйбэй из деревни Миасима. И все остальные плотники и кузнецы.

Хэдский самурай-старик Ябадоо, наблюдающий за рыбаками, сам, еще не зная, что будет такой указ свыше, уже наказывал ры-

баков, чтобы не смели разговаривать с эбису. Он расправился с Сабуро из дома «У Горы». Но ведь плотники не рыбаки. Они все время должны с эбису работать. Как им запретить общение? Требовалось хотя бы одного наказать, хотя бы не из плотников...

Эгава должен наказать строго. Но скрыть от русских. Днем они всюду ходят, им разрешено удаляться за семь ри¹ от Хэда. Придется наказывать ночью, втайне от гостей.

В прошлый приезд в деревню Хэда Эгава наблюдал, как Таракити работает. Оказался тихий, старательный, скромный парень. Лоб у него большой, лицо скуластое, румяное, руки сильные.

Налетел новый порыв ветра. Начинается ураган? Или сейчас же все стихнет? Нет, ветер крепчал.

Эгава поехал побыстрее. Вот уж видна знакомая поляна. Эгава увидел, что на толстом стволе сосны проступает светлая трещина, как розовая рана на теле; эта трещина ширилась, и ствол вдруг расщепился и разошелся надвое со всей массой ветвей, мха и лишая, с седыми и зелеными иглами, с мертвыми и живыми сучьями, и одна половина дерева стала падать.

Эгава придержал коня и замер, оцепенев от сугубого ужаса. Это была любимая сосна покойных отца и деда. «Седая сосна». Художники рода Эгава рисовали ее. «Отрада моего отца». Эгава остановился у разломанного дерева с павшими лапчатыми ветвями в иглах и во мхах. Дерево у основания такое же толстое, как каждая из двух отражательных печей, построенных Эгава в селении Нярояма. «Пока я помню отца — он еще жив, он живет во мне...»

Роскошное, еще жизнеспособное дерево развалилось надвое, половина рухнула, не обнаружив ни гнили, ни старых ран в почерневшей запекшейся смоле, ствол, торчавший без половины ветвей, был позорно обнажен, словно подставил, как наказываемый, розовую спину под удары лоз и палок. Здоровое, еще крепкое дерево не выдержало боя ветра о свою столетнюю вершину.

Когда Эгава Тародзаймон был маленьким, отец привозил его к седой сосне и говорил: «Прошел год, теперь на стволе прибавилось еще одно кольцо!» Так приезжали сюда каждую весну.

¹ Ри — мера длины, японская верста.

Седое дерево еще живо, оно само, как дайкан пограничной округи, главенствует над окружающими лесами, стоит, как рыцарь у края крепости, на жестком, чуждом ветру из далеких стран и охраняет Японию. Неужели его нельзя спасти? Надо прислать лесников, пусть осмотрят трещину и залечат.

В белом косом чертеже снегопада, пригнанного с моря, Эгава спускался с гор. Когда он миновал сады и рисовые поля, тучу унесло. Эгава въехал в деревню Хэда. Тут тепло. Кусты цвели в садах и на огородах. У обнесенного камнем источника распустилось дерево.

Дайкан слез с коня у храма Хосенди, где жил адмирал Путятин. Из трубы на крыше курился дымок. У посла и адмирала морской армии печь могла топиться в любое время, никто не запрещает. У Путятинина всегда тепло и уютно, даже когда всюду сыро и сумрачно. Эгава любил бывать у Путятинина! Ах, если бы на душе не лежал тяжкий камень!

Согнув свою стройную богатырскую фигуру, дайкан в полуполконе вошел в храм.

За большим адмиральским столом сидел Колокольцов и, держа перед собой открытую тетрадь, опять обучал сидевших тут же простых плотников. Таракити, Хэйбэй и пожилой Кикүти все записывали в свои тетради. Рядом с Колокольцовым черная доска. Он встает, пишет на ней мелом западные цифры и рисует линии. Простые и низкие японцы — рабочие — все перерисовывают и перерисовывают, как грамотные самураи. «Знатоки западных наук! Создатели новой Японии!» — с завистью подумал Эгава.

Сегодня воскресенье. На самодельном календаре на стене название дня выведено яркой красной краской.

Колокольцов, не отрываясь от дела, по-западному бесцеремонно кивнул приехавшему дайкану и показал на табуретку, приглашая сесть. Очень невежливо! Так у них принято. Ученики-японцы кланялись по-европейски одними головами из-за стола, как болванчики, не выскочили и не пали ниц!

Эгава присел на табуретку. Татноскэ переводил. Он успел обучиться! Знал термины! Изучил архитектуру судостроения и математику!

Эгава вслушался, живо достал из-за пояса письменный прибор с тушью и кистями, бумагу из портфеля и, не стыдясь, стал запи-

сывать, сам увлекся, как мальчик, как в самые ранние годы, когда жадно и с восторгом слушаешь старших и веришь им.

Кончился урок. Эгава огляделся, с кем же рядом он сидел? Как он сейчас выглядит?

Японские плотники, пятась к дверям, отвешивали дайкану множество поклонов, как бы просили прощения, что оказывают должную честь с опозданием.

Плотники ушли. Сразу же пожилой чиновник из свиты дайкана поспешил за ними. Он остановил плотников за воротами и отвел их куда-то в сторону. Видимо, что-то объяснял строго.

Неужели каждый из них может стать ученым? А впоследствии в народе скажут, что Эгава не был гениальным инженером? Просто у его родителей деньги были и положение, а, мол, гениями бесплатно не становятся!

Татноскэ знает по-немецки, и Колокольцов свободно говорит на этом языке!

Дайкан задал несколько вопросов юному учителю. Знаменитого ученого Японии образовывает двадцатилетний Колокольцов с большой самоуверенностью, как дикаря и неуча! Колокольцов живет с дочерью Ябадоо. Обиды покорно глотаешь, как яд, как будто не дайкан, не глава власти, а преступник!

Колокольцов заговорил с Эгава как с другом, посвященным в тайну наук. Но если бы он знал, как это грубо и оскорбительно выглядит. Но как интересно все, что тут узнаешь!

Глава 3

ФЕОДАЛЬНЫЙ КНЯЗЬ

— Для спускового устройства адмирал затребовал свиного сала, а они толкуют мне про каких-то каракатиц! — входя, говорил Степан Степанович Лесовский. — Сало нужно для спуска шхуны!

У дверей, на половике, матрос снял с капитанских сапог кожаные калоши в глине.

Японцы, вошедшие с Лесовским, при виде своего дайкана замерли в низких поклонах.

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ЗАДОРНОВ
САГА О РУССКИХ АРГОНАВТАХ
ХЭДА
ГОНКОНГ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Валентина Гончар, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.05.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 49. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-41788-01-R